WORLD SCIENCE PUBLISHING
LONDON LTD
LONDON
London International Monthly Conference on Multidisciplinary Research and Innovation

СОЛОВЕЙ — BULBUL: СОВПАДЕНИЕ ОБРАЗА И РАЗЛИЧИЕ РЕЧЕВОЙ ОЦЕНКИ

Саитова Хамро Абдуллаевна

Аннотация. Сопоставлены переносные употребления соловей и bulbul в характеристике человека. Разграничены ораторское мастерство, ироническая оценка речи и поэтическая любовная роль. Показано, что совпадение птичьего образа не гарантирует одинаковой речевой оценки, а различие словарного оформления не исключает близкой художественной функции.

Ключевые слова: соловей; bulbul; переносное значение; речевая оценка; поэтическое сравнение; русский и узбекский языки.

Введение

Русское *соловей* и узбекское *bulbul* нередко сближаются как положительные характеристики красивого голоса. Однако для сопоставления человека существенно различить способность говорить, манеру конкретной речи и роль в любовном высказывании. В узбекской словарной статье отдельно названы певец или оратор и влюблённый человек; русское *разливаться соловьём* снабжено иронической пометой [1; 2]. Цель исследования — определить, какие соответствия сохраняются после учёта этих различий.

Материалы и методы

Исследованы статья *bulbul* словаря Izoh.uz, статья *соловей* Большого толкового словаря под редакцией С. А. Кузнецова и стихотворение Пушкина «О дева-роза, я в оковах…» [1; 2; 3]. Рассмотрены также атрибутированные словарём фрагменты Чулпана, Хамзы и дастана «Nurali». Сопоставлялись носитель признака, содержание характеристики, форма выражения и отношение говорящего. Литературное сравнение не приравнивалось к самостоятельному словарному значению; прямые обозначения реально поющей птицы исключались.

Результаты

Первое различие обнаруживается в описании речи. В узбекском переносном *bulbul* характеристика искусного оратора представлена как номинация человека. Русский оборот описывает способ говорения: действие протекает увлечённо и красноречиво, но может оцениваться с иронией. Следовательно, близость признака выразительности не означает одинакового отношения к говорящему. Похвала устойчивому умению и наблюдение за эффектной речью представляют разные оценочные задачи [1; 2].

Грамматическая форма усиливает различие. Существительное допускает наименование носителя способности, тогда как сочетание глагола с творительным *соловьём* характеризует действие. Перевод узбекской положительной номинации русским *разливается соловьём* может внести насмешливый оттенок, не заданный оригиналом. Обратная передача через нейтральное *искусный оратор* способна устранить иронию русского выражения. Ошибка возникает даже при сохранении общего мотива красивого звучания.

Другой результат даёт любовный перенос. Узбекский источник выделяет *bulbul* в значении влюблённого человека; среди иллюстраций находится песенное уподобление юноши птице. В стихотворении Пушкина связь лирического «я» с соловьём задана сравнением, раскрывающим отношение к возлюбленной. Русский материал тем самым подтверждает сходную любовную функцию, но не тем же способом: узбекская дефиниция сопоставляется с художественным уподоблением [1; 3].

© 2026 London International Monthly Conference on Multidisciplinary Research and Innovation. All Rights Reserved.

Таблица 1. Сопоставление речевой и любовной функций образа

Материал	Содержание и форма	Что установлено
bulbul, значение 2 / *разливаться соловьём* [1; 2]	Ораторское мастерство / увлечённая речь с иронической окраской.	Общий речевой мотив при различии оценки и способа выражения.
bulbul, значение 3 / соловей у Пушкина [1; 3]	Влюблённый человек / уподобление лирического субъекта птице.	Близость любовной функции без тождества лексического статуса.
bulbul kabi у Хамзы, словарная иллюстрация [1]	Уподобление лирического «я» в контексте любовной тоски.	Сравнительная форма представлена и в узбекском тексте.
sevimli bulbuli у Чулпана, словарная иллюстрация [1]	Образная номинация любимого человека в описании сна.	Эмоциональная связь выражена; фактическое пение в момент сцены не утверждается.

Сходство русского и узбекского любовных образов подтверждается связью с человеческим субъектом, а не одним появлением названия птицы. У Пушкина первая строка задаёт говорящего и адресата; последующее сравнение соотносит их отношения с образной сценой. Поэтому соловей участвует в характеристике человека, хотя внутри развёрнутого сравнения сохраняет признаки птицы. Буквальное чтение всего фрагмента как описания природы не объясняет переход от личного обращения к уподоблению [3].

Узбекская иллюстрация Хамзы содержит *bulbul kabi* в высказывании о любовной тоске. Это особенно важно для выбора сопоставимой единицы: поэтическое сравнение с русской стороны можно сопоставить с поэтическим сравнением с узбекской. Первоначальная неоднородность «дефиниция — стихотворение» уменьшается. Следовательно, отсутствие отдельного человеческого значения в рассмотренной русской статье не означает отсутствия соответствующего образного отношения в литературной речи [1; 3].

Пример Чулпана уточняет соотношение устойчивого признака и текущего действия. В выражении *sevimli bulbuli* человеческая отнесённость подтверждена описанием волос и сна. Эпитет сохраняет образную связь с голосом и личной привязанностью, но сцена не сообщает о пении. Перевод через глагол *поёт* добавил бы действие, которого в приведённом фрагменте нет. Здесь требуется передать номинацию человека, а не буквально реализовать привычное действие птицы [1].

В пушкинском фрагменте пение и любовная роль не исключают друг друга. Песня обращена к возлюбленной и выражает отношение говорящего; она не представлена как демонстрация профессионального вокального умения. Поэтому механическая рубрика «красивый голос» описывает только образное действие и не раскрывает человеческого содержания сравнения. Лирическое уподобление связывает звучание с переживанием, тогда как речевой фразеологизм оценивает манеру высказывания. Разведение этих оснований позволяет объяснить различную тональность без предположения об изменении самого названия птицы [2; 3].

© 2026 London International Monthly Conference on Multidisciplinary Research and Innovation. All Rights Reserved.

Проверка значения должна учитывать и направление переноса. В любовном сравнении человек понимается через образную сцену, но из этого не следует, что слово *соловей* приобретает во всех последующих контекстах значение *влюблённый*. Аналогично форма *bulbulim* может выражать личную связь, не превращаясь в универсальное обозначение любого близкого человека. Сопоставимый смысл устанавливается в пределах конкретного высказывания; расширение этого смысла до словарного требует отдельного подтверждения [1; 3].

Обсуждение

Выявлены два самостоятельных основания неполного соответствия. Первое — оценочное: общий речевой мотив допускает положительную характеристику умения и ироническое описание говорения. Второе — конструкционное: любовная функция может выражаться словарной номинацией и развёрнутым сравнением. Эти отношения нельзя свести к противопоставлению национальных символов. На рассматриваемом материале литературный контекст обнаруживает близость, неочевидную при сравнении только словарных рубрик.

Для межъязыковой передачи последовательно проверяются качество человека, речевое действие и тональность. В характеристике мастерства возможен перевод через *искусный оратор*; в ироническом русском обороте требуется сохранить дистанцию говорящего; в любовном фрагменте — отношение к адресату и форму уподобления. Это разные решения для разных употреблений, а не конкурирующие переводы слова вне контекста. Предлагаемые варианты представляют смысловой анализ, а не результаты опроса читателей.

Результат относится к зафиксированным словарным вариантам и рассмотренным текстам. Из него не следует, что всякое русское употребление соловья иронично или что всякое узбекское употребление выражает любовь. Принципиально другое: общий образ может иметь различную оценку в сопоставимых речевых ситуациях и близкую функцию в неодинаково оформленных конструкциях. Для дальнейшего корпусного анализа именно эти различия должны стать самостоятельными признаками разметки.

Заключение

У *соловей* — *bulbul* установлена неполная эквивалентность речевого переноса и функциональная близость любовного поэтического уподобления. Решающими оказались не совпадающее название птицы и не отдельная словарная помета, а сочетание человеческого признака, конструкции и речевой оценки. Сопоставление литературных контекстов позволяет уточнять границы соответствия, не приписывая одному языку исключительное владение общим образным мотивом.

Список литературы и источников

1. Izoh.uz. O‘zbek tilining izohli lug‘ati: электронный толковый словарь. Статья «bulbul». URL: https://izoh.uz/word/bulbul
2. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. Электронная статья «соловей». URL: https://gramota.ru/poisk?query=соловей&mode=slovari
3. Пушкин А. С. «О дева-роза, я в оковах…» (1824). Электронный текст по изданию РВБ. URL: https://ru.wikisource.org/wiki/О_дева-роза,_я_в_оковах_(Пушкин)

Дата обращения к электронным источникам: 03.10.2026.

© 2026 London International Monthly Conference on Multidisciplinary Research and Innovation. All Rights Reserved.